

УДК 94(092)(470)
ББК 63.3(2)635-8
Б43

Издательство выражает благодарность литературному агенту
Анне Сухобок.

Белковский, Станислав Александрович.

Б43 Русская смерть / С.Белковский. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-096149-8

Смерть у нас в России — вещь довольно банальная. Зачастую проще умереть, чем пообедать. Особенно в часы пик. Еще во время экономического кризиса 2008 года была опубликована программа «Русская смерть», где утверждалось: верный рецепт выхода из пике — сократить население страны на 15–17 млн человек. Иначе не спастись.

Человек, как и государство, умирает в момент полного исполнения его жизненного задания. Потому русская смерть — это не катастрофа и даже не беда. Это просто продолжение нашей жизни после нынешней России. О чем много говорится в этой книге Станислава Белковского.

УДК 94(092)(470)
ББК 63.3(2)635-8

ISBN 978-5-17-096149-8

© С.Белковский, текст
© ООО «Издательство АСТ»

ЗЮЛЬТ

З Ю Л Ь Т

Рассказ в одном действии

ВОСЕМЬ И СЕМЬ ДЕСЯТЫХ

— У нас сегодня сколько?

— Тридцать девять и восемь, Леонид Ильич.

— А у них?

— Сорок восемь и пять.

Почему не «Леонид Ильич»? Черт их всех не разберет.

— Значит, мы на десять процентов отстаем?

— Ну зачем на десять?..

«Зачем» — это я тебя хотел спросить. И «почему» — тоже хотел.

— На восемь целых семь десятых.

— А было три с половиной?

— Было три целых пять десятых, Леонид Ильич.

Вот. Теперь есть.

Брежнев еще мог бы напомнить Сулову, что с самого начала было три с половиной в нашу пользу. Но не стал. Зачем напрягать чувака? Он и так весь выглядит, будто на нем картошку чистили.

Привязалось же это слово — «чувак». Молодежь теперь так говорит. Внук, Андрюшка. Или сын. Нет, сын уже не молодежь. Он так говорить не может. Как это — чтобы у семидесятитрехлетнего старика сын был молодежь. Так разве бывает? У семидесятитрехлетнего старика. Семьдесят три. Не так уж много, если задуматься. Какой-то еврейский царь — или пророк, бес их там всех знает — до ста двадцати правил, пока мертвым в бассейне не нашли. Это Никодим рассказывал. А Никодиму-то сколько было, когда умер? Сорок девять. То-то же.

Нет. Даже сорок восемь. До сорока девяти не дотянул немного. Он-то октябрьский. А умер в сентябре. В начале. Еще когда дождь такой крупный бился о кремлевское стекло.

А говорят, у Брежнева памяти нет.

Семьдесят три.

Витя передала. Чазов лепит, что на самом-то деле организм у меня на семьдесят восемь. Минимум. Дряхлый такой. Укатали сивку крутые горки. А зачем передала? Бабы — дуры. С тех пор об этом и думаю. А чего думать-то, если разобраться. Семьдесят восемь минус семьдесят три равняется пяти. Пять лет разницы всего. По сравнению-то со ста двадцатью и смертью в бассейне. Приходит в бассейн в «Завидово», а там — охрана недосмотрела, кирдык.

А еще лучше в бассейне «Москва». Принять с утра рюмочку. Зубровки какой хорошей или наливки. Поехать встретиться с народом. Народ наш советский стариков любит. Уважает, по крайней мере. А двадцатилетних-то и подавно. Таких-то стариков никто нигде живыми не видел. Говорят, в горах. В Грузии. Или на Памире. Пик Коммунизма — это на Памире? Вот где-то там. От горного воздуха живут и живут, и ничего им не делается. Никакой Чазов не нужен. Пять лет туда, пять лет сюда — как послеобеденный сон. Хотя врач какой-то мне после войны говорил, что после обеда сон серебряный, а до обеда — золотой. И врач-то был из дворянского рода. Как-то на букву Б. Отчего его не расстреляли, сам не понимаю. Не упоминаю сам.

Но чтобы в центре Москвы и не спустившись с Коммунизма, а прямо прибывши на машине из близлежащей Московской области — такого-то никто не видел. И тогда пойти в бассейн. Перезировка хлорки — и умереть.

И сразу вой-то какой начнется! Мол, кого потерял и-то, чуваки! Тьфу, черт, опять это слово дурацкое. Я-то матом не ругаюсь. А то бы сказал, как есть. Ну почти не ругаюсь. Про себя не ругаюсь. Про себя-то чего ругаться? Ругаться надо громко, чтобы смысл был, и дело становилось. А так просто, как базарный извозчик в такой грузный день..

День и впрямь был грузный. Вроде и холодно, да и как-то не свежо. И кондиционер не включишь, и окно не откроешь. Это они не продумали. Чазов вообще не думает. Зачем Вите говорить, что я дряхлый на семьдесят восемь? Ну зачем? Сегодня семьдесят восемь, а завтра. Бух в котел — и там сварился. Иосиф Виссарионович этого Чазова бы... Нет, уже привыкли. Уже серафиновым спиртом не вытравишь.

Они лучше решили бы, кто некролог писать будет. А то обычно говна сладкого своего нальют: видный деятель коммунистического и рабочего, верный сын чего-то там. А чего я верный сын? Я своих родителей так себе сын. Хотя они-то нынче там радуются. Что не спился их Ленька, и пресс кузнечный ему в цеху ногу не раздавил. А стал их Ленька большим начальником над половиной мира. Ей-ей, не шучу. И если в Берлине Леньку поминают, в Пхеньяне аукается. Полмира. Шутка ли! И слова какие знаю теперь — Пхеньян.

Бовин исчез куда-то. У Игнатенко этого нового, его Суслов привел, рожа какая-то уж больно сладкая. Как у арбуза перекишенного. Воняет прямо гнилым арбузом.

Этот точно сказал бы, что выгляжу на шестьдесят пять. И ни один волос в носу не дрогнул бы.

Тут, правда, мне один чувак...

Ексель-моксель.

Тут один мне парень понравился. И даже не помню, кто привел. Лет сорок ему, седовласый. Я-то в сорок лет седым не был,

хоть и войну прошел. А этот, может, и красится. Ну и пусть себе красится в конце-концов. Так даже лучше выходит. Высокий такой. Пожал мне руку и говорит: «Рукопожатие крепкое у вас, Леонид Ильич!»

Во: рукопожатие крепкое! А не на семьдесят восемь дряхлость, как у мудака Чазова.

И хотя я про себя матом не ругаюсь. Но мудак — это ж не матерное слово. Или матерное. Надо справку отдела науки запросить. Руки все не доходят, черт его раздери. Продовольственная проблема к горлу подступает, тут уж не до мудака. Мудак потом. Ближе к бассейну.

А этого седовласого сорокалетнего я даже по имени запомнил. Саша Проханов его зовут, вот. Писатель он. Пишет там про что-то. Может, и возьмем. Надо с кем-то еще посоветоваться. С Михалковым. Он говорит, правда, как-то долго. Заикается вечно. Как меня увидит, так и начинает заикаться. От волнения, дескать. Хотя я-то не Иосиф Виссарионович, который ему карандаши дарил. Интересно, исписал он карандаш или нет еще? Или в запретном серванте держит, чтобы ни комочка не отвалилось? А может, крысы погрызли? Представляешь себе: приезжает Михалков на казенной «Волге» к себе на дачу, на Николину Гору. Сразу лезет в запретный сервант посмотреть, на месте ли Иосифа Виссарионыча карандаш. А там уже все крысы погрызли! Один ластик остался! Заикайся теперь, не заикайся — трындец всему. Это меня внук Андрюшка научил: вместо «пиздец» говорить «трындец». Какое-то слово переводное и почти что даже не матерное. Но Михалкову-то все равно. Ему что трындец, что пиздец. Был великий карандаш, да весь и погрызли. Просрал карандаш, батенька. Навсегда просрал. Потому что от крыс никакой запретный сервант не помогает. Это если б ты в Днепродзержинске на кузнечном цеху поработал, сразу бы знал. Крысы даже фрезерный станок сожрут, если голодные. А ты-то, заика хренов, только все по Москве и Московской области. Хряпнул коньяку в «Национале», закусил селедочкой в «Метрополе» — и с шофером личным на имение, в Николину Гору. Ну еще по заграницам, конечно. Здесь гим-нюку гребаному равных нет. Как тебе было карандаш сбе-регги! Теперь-то уж только стреляться. Но ты и наградной пистолет, что я тебе на юбилей справил, профукал. На шестьдесят лет я ж тебе, сука — а вот это точно не матерное, собака простая, женского пола, правда, — я тебе этими дряхлыми руками вручил. На твои шестьдесят лет, не мои. Я тебя лет на семь старше, помню, почти точно помню. А потом твой сынуля пистолет в Америку вывез. Продал его там каким-то евреям и на вырученное жил три года. Ему ж кино-то снимать не давали. Да и теперь не дают — кому нужен сын заики советского долговязого? Мне таможенники тогда говорят: «Леонид Ильич, вывез сынок наградное оружие-то». А я им: «А вы

чего ж не задержали-то, дурачье?» А они мне: «А он все вашим именем клялся. Дескать, позвоню Леониду Ильичу, он все временно разрешил. Мы и зассали как-то».

Зассали.

Вот до чего дошли советские органы управления.

Я им временно разрешил, так они и зассали.

А если им обратно временно запретить, как Иосиссарионч?

Что бы там Чазов ни трындел. Я хоть и говорю плохо. И перловка несвежая во рту у меня. Я не заикаюсь. Как некоторые. И до самого бассейна «Москва» заикаться не буду. До ста двадцати.

— Какого числа выборы, Михал Андрейч?

— Двадцать четвертого февраля, Леонид Ильич.

О! «Леонид Ильич». Снова понял. А то забываются кругом, демоны. Временно разрешил.

— Это, значит, какого года?

Вот из-за этого и поговаривают, что Леонид Ильич в полном маразме. А он вообще ни в каком ни в маразме. Он просто хочет, чтобы у козла Сулова тоже мозги ворочались. А не только у Генерального секретаря и Председателя Президиума. А то вишь, скажут: временно разрешил.

— Одна тысяча девятьсот восьмидесятого, Леонид Ильич.

— Это, значит, как почти когда Олимпиада у нас?

— Совершенно верно. У нас. Девятнадцатого июля открытие. Одна тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Мог бы сказать и «так точно», но не военный же. Так что пусть будет и «совершенно верно». Устинов с Андроповым вон говорят «так точно», а толку что? Не прибавляется. Даже не знают, что делать, когда Генеральный секретарь в бассейне «Москва» концы отдаст.

А ведь отдаст — что тогда со страной будет.

Так точно.

И Олимпиада эта свалилась нам на голову, будь она неладна. Я, если разобраться, всегда против был. Народ без сапог ходит, так еще и Олимпиаду за три миллиарда рублей. Три миллиарда советских рублей! У меня на цифры память вообще плохая, а тут запомнил. С точностью до нулей. И Никодим, владыка Никодим мне говорил: «Глумцы-акробаты не доведут до добра. Закрывай Олимпиаду, Леонид Ильич».

Но как уже закрывать-то? Поздно. Это сначала Никсон меня втравил. Голову совсем заморочил: вот проведешь международные Игры, имидж Советов исправишь. А какой еще у Советов имидж? Зачем его исправлять? Вон Иосиссарионч никаких Игр не проводил. А Гитлер, дай бог память, проводил. И? Имидж у нас сломался, тоже мне разбери?

А потом полезли изо всех щелей. Вон тот же Сулов. Проводить, чтобы обязательно проводить. Тогда мы всем докажем и покажем, чего стоит развитой социализм. И летние валенки

на соболином меху. А что доказывать-то?.. Эх... Кто слушать-то будет?

И дети мои туда же. Им бы покрасоваться, с иностранцами выпить-погулять. Говорят, давай, давай Олимпиаду, когда еще будет!

Вот вам и Олимпиада. Три миллиарда — и без сапог.

Я в прошлом году на Юрмалу заезжал. Так тамошний первый секретарь, Август Эдуардович, фамилия какая-то короткая, хрен запомнишь, перебрал своего «Рижского бальзаму» — а его, по мне, так и в рот не возьмешь, противный такой, я про бальзам сейчас — да прямо и говорит у меня на плече:

— Знаете, Леонид Ильич, какое самое большое достижение Латвийской компартии за всю ее историю?

Эти прибалты умеют говорить витиевато. Они ж раньше немцами были, пока мы их окончательно не спасли.

Я хотел спросить, какое же именно, но не успел — рот был весь ихней семгой забит. Говорят, что семгу прямо у порта Вентспилса ловят. Но знающие люди из сельхо-зотдела докладывали, что семга-то на самом деле норвежская, на нее латыши-жулики только этикетки клеят. Верю, верю. В глаза Августу Эдуардычу как посмотришь — и не в то поверишь. Еще.

А бальзам я их «Рижский» на дух не переносу. Вот просто вкуса не перевариваю. Это как микстура детская, только грязная, вредная какая-то.

И Август Эдуардович-то продолжил:

— Самое большое достижение, Леонид Ильич, — а еще с акцентом таким противным, будто только что из оккупации и Иосифу Сталину временно разрешил, — что мы на Политбюро пробили, чтобы олимпийская регата не у нас проходила, а в Таллине.

Я даже мыслями так сделать не могу, каким акцентом этот шпротный человек говорит.

Он же пьяный совсем. Прибалтам столько пить нельзя. Он ведь что только сейчас сказал? Что обманули мы Политбюро. И тебя, товарищ Генеральный секретарь, со всем твоим великим подвигом, вокруг пальца обвели. Ведь вы нам олимпийскую регату поручали? Поручали. А почему она теперь не у нас, а в Таллине? А чтобы мы и дальше свои этикетки на норвежскую рыбу клеили. А эстонцы, значит, без сапог. Хотя, может, эстонцы и в сапогах. Они всегда тоже устраиваться умели. Вот мне Сулов рассказывал (или это Никодим был? Нет, Сулов все-таки), что эстонцы в первый же день немецкой оккупации от всех евреев избавились. До единого. Кого убили, а кого фашистам выдали. И как-то это еще называли красиво, как дорогие духи. Вот «Шанель №5» помню, а это не помню.

— Михал Андрейч!

— Да, Леонид Ильич!

— А вот когда эстонцы всех евреев фашистам выдали, это как называлось?

— Юденфрай, Леонид Ильич. Но это не только эстонцы, это вообще, если кто где евреев.

— Ладно, ты мне голову-то не морочь. Хорошее слово. Повтори еще раз. Как там, ты говоришь, иденрай?

— Юденфрай, Леонид Ильич.

Красиво, действительно. Но так немецкие духи должны называться, не французские. Типа «Лагерфельд»? Есть такие. Тоже что-то лагерное. Иосиссарионычу понравилось бы. Шутка. Шутка это была, но вслух же такую не скажешь. Никто ж не засмеется. Он-то временно ничего не разрешал. Это вам не Леонид Ильич.

Надо будет канцлеру Шмидту позвонить, спросить. Может, и закупим к Олимпиаде миллион коробков «Юденфрай». То есть «Лагерфельд». Чтобы иностранцев порадовать. Чтоб они женам чего с нашей Олимпиады домой привезли. Все толк будет. Может же и от Олимпиады какой толк получится.

А Августу Эдуардычу этому с его регатой я еще припомню. Он в протоколах-то пусть читает, как я Петю Шелеста прихлопнул. Взял и прихлопнул, никто и не пукнул. Шпротнику этому через год, говорят, шестьдесят пять? Ну и хорошо. Проводим на заслуженный отдых. Радиоприемник «Спидолу» подарим. Чтобы «голоса» слушал, она берет. И ящик «Рижского бальзама». А то и два ящика. Такой запах будет, что к нему до смерти самой никто близко не подойдет.

А в Латвии, мне сказали, уже сорок процентов русских? Вот мы им русского первого секретаря и сосватаем. Хоть Сулова. Который тут сейчас сидит передо мной и улыбается, как будто мы побеждаем. А мы в жопе полнейшей, товарищ Сулов. На восемь целых семь десятых отстаем. Председатель Президиума Верховного Совета СССР проигрывает в одномандатном округе вождю диссидентов академику Сахарову. Вообще не попадает Председатель в свой Верховный Совет. И где проигрывает — в Москве, в столице! А Сахаров — проходит. И что тогда скажет весь мир? Что зря Ленька Брежнев из Днепродзержинска уехал, лучше б на Днепровском заводе кузнечным цехом руководил.

А еще лучше — замглавного технолога. К сорока годам — трехкомнатная, к пятидесяти — семь соток. И никаких проблем. Десять ящиков водки, хватит на первую половину отпуска.

Правда, Сулов никакой не русский по сути. Он чеченец. Не смейтесь. Сейчас расскажу. Сам себе расскажу.

— Михал Андрейч, а сегодня какое число?

— Двенадцатое декабря.

Опять без «Леонида Ильича». Ну да ладно. Устал. Я устал.

А то не помню, что двенадцатое декабря. Вчера ж одиннадцатое было — Витин день рождения. Я ей цветов подарил. Охранники привезли. И палехскую шкатулку. Поцарапанную малость, но ничего. Старую, зато настоящую. Мне первый секретарь ивановский

лет пять как прислал. А она не плакала. Жена-то не плакала. В первый раз за всю жизнь ни слезинки. Вот ведь как бывает.

— Значит, осталось два месяца?

— Два месяца. Чуть больше — два и две недели.

— И восемь с половиной сейчас?

— Восемь целых семь десятых, Леонид Ильич.

— А там еще Новый год и все такое. Все наши в запой уйдут. Значит, если так, Леонид Ильич Брежнев, первое лицо партии и государства, пролетает мимо Верховного Совета, а туда влетает прямо академик Сахаров? И все это происходит в городе Москве? Где заседает сам Верховный Совет, ЦК и все прочие остальные органы всесоюзной власти? Так?

Я не кричал. Куда мне кричать с моей дряхлостью? Семьдесят восемь, проклятый Чазов. Я просто хотел, чтобы Суслов нашел, чем ответить.

А он замолчал. Потому что подумал, что я закричал. И не смог сразу справиться с волнением, хоть и кавказец.

Суслов же сымалства был какой-то Алханов или Гелаев. Он в Чечне родился. В Чечено-Ингушетии, она так, кажется, называется. Иосиф Виссарионович так окрестил.

До войны еще Суслов там комсомол возглавлял. А перед самой войной, в сороковом, кажется, стал первым секретарем Грозненского горкома. Партии. И, говорят, потом немцам очень помогал. Что-то типа «лагерфельда» с иденраем они там устраивали. Нормально никто не знает, но слухи ходят. И был он тогда никакой не Михал Андрейч, а вроде типа Ваха Русланович или нечто что-то похожее.

Хотя откуда на Кавказе евреи, если подумать? Но с другой стороны. Могли там быть евреи, и много. А потом пришли немцы и устроили вместе с Сусловым свой «лагерфельд». Так ведь тоже могло быть?

Черт его разберет. На архивы времени уже никакого не остается, даром что до ста двадцати.

А в сорок четвертом — это я точно знаю, мне и Андропов по секрету докладывал — Ваха Русланович проспал депортацию. Вот ей-ей — начисто проспал. Заснул в Грозном где-то на чердаке. Надо было к пяти утра явиться на сборный пункт. Чтобы в эшелон — и дальше до Казахстана. А он не явился. И ничего ему за это не сделалось.

Стал он скоро Михаил Андреичем Сусловым и перебрался в самую Москву. Когда я еще молдаван ленивых песочил. А говорят еще, что евреев трогать нельзя. Врут, наверное. Вот у меня жена типа вроде еврейка. Я ее и не трогаю. Как говорят, так и делаю. Товарищ Генеральный секретарь и Председатель половины земного шара.

— Леонид Ильич, надо честно признать, посмотреть правде в глаза. В Москве разрыв нарастает!

Ты ж, собачий сын, идеолог, член Политбюро! А зачем ты мне слово «Москва» говоришь? Мы же в Москве с Сахаровым и боремся. А в других местах-то и не боремся. Так ваши дурацкие одномандатные округа устроены. В Москве нарастает — а что, есть где-то, где не нарастает? Где Леонид Ильич обходит академика Сахарова и прямо себе въезжает в Верховный Совет, на свое обычное председательское?

— А не в Москве что — не нарастает?

— По СССР рейтинг в среднем восемьдесят два на четырнадцать в вашу пользу. Только в Москве ситуация экстремальная. Уникальная, я бы сказал.

Вообще, восемьдесят два плюс четырнадцать равно девяносто шести. Ну и пусть. Пусть будет. Мне-то что.

— Почему? Мы ж Москве всех больше даем. Вон в ГУМ зайди — и в универмаг какой-нибудь в Костроме.

Давненько не был ни там, ни там. Надо б исправить. Черт, опять забыл — как звали того седовласого? Который писатель?

— В Москве переизбыток интеллигенции. Она к материальным благам развитого социализма достаточно адаптирована. И вся как один за Андрея Дмитриевича.

— За кого?

Да, нельзя было так резко, по имени-отчеству чужого человека, да еще как бы врага.

— Андрей Дмитриевич — это Сахарова так зовут.

— Академика Сахарова?

— Академика, Леонид Ильич.

Помялся-перемаялся. А то не академика? А кого? Рас-топщика готовален, что ли? Ну и чего мяться-то, Руслан Гелаевич, или как тебя там?

В конце сороковых у Иосифа Виссарионовича появилась любовница. Чеченка. Не первой свежести, под полтинник или даже немного за. Но — глаз не оторвешь. Волосы черные, как трибуна Мавзолея. А она разве черная? Но дело не в этом. Когда надо, то и черная, очень даже бывает. Я ее — любовницу, не трибуну — один раз видел. И глаза оторвал, чтоб мне их самому не оторвали. Вот она-то и притащила откуда-то Ваху Аслановича. И Сусловым его сделала. Усыновил его какой-то партраб районного масштаба. А Иосифарионич как раз про евреев что-то удумал, тут наш Суслов и пригодился. Стал референтом по еврейскому вопросу. По части этого юденрата или как его там. А в пятьдесят втором — уже замзав идеологическим отделом. Дальше Хрущу помог от старой гвардии избавиться. И стал завотделом. Секретарем ЦК. А там и нам уже помог. На октябрьском Пленуме доклад делал. Теперь уж никуда от него не денешься. Хотя скользкий. «Где чеченец родился, там три еврея заплакали» — это мне еще генеральный конструктор Курчатов говорил. Или генеральный конструктор Коро-

лев у нас был? Вот он, должно быть, и говорил. А откуда я его знал? По должности. Всех подробностей не припомню, пока лишь не взойду на кромку бассейна этого — «Москва».

Но точно знаю, что это я запустил первый спутник и место для космодрома на Байконуре лично выбрал. Потому что слово «Байконур» мне нравилось. Как имя казахской девушки. Четырнадцать лет. Так у меня в воспоминаниях написано, и с места уже не сдвинуть. Не фрезеровальный станок.

— А как же наши работяги? Верные, преданные члены партии?

Слово «преданные» никогда не любил. То ли нам преданные, то ли нами. Или и то и другое. Тоже мне нашелся профессор языкознания.

— Рабочий электорат...

Что еще за хреноpletень!

— Рабочий избиратель, Леонид Ильич, излишне пассивен. На результаты выборов в Верховный Совет СССР не ориентируется. Думает, все равно Брежнев будет, так чего ходить. На избирательные участки, в смысле, я имею в виду, ходить.

— А объяснить им что — невозможно? Еще два месяца осталось. Первая программа там, вторая.

— На первой и второй программах упоминание имени Сахарова запрещено. А раз нет имени — нет и проблемы. Сами понимаете, Леонид Ильич.

Ну конечно. Теперь хитрая жидочеченская сволочь сделает вид, что это я сам во всем виноват. Это ж я сказал Лапину на Главном телевидении Сахарова от греха подальше не поминать. А Суслов проклятый здесь и вовсе ни при чем, ехиднина башка.

— К тому же, Леонид Ильич, в среде рабочего класса 17 немало лимитчиков, людей без прописки. Они нам электорально вообще никак не полезны, как бы ни прискорбно это звучало.

Я понял, что сейчас захочу встать с кресла. Торжественно так захочу, как в лучшие времена.

— Значит, политика Совета Министров по кадровому замещению провалилась?!

Суслов вытянул губы в длинную гармошку. Они всегда так делают, когда не могут ни засмеяться, ни промолчать.

Да, а я Косыгину всегда говорил. Сейчас-то он помирает. То ли косой ноги себе отрезал, то ли в чью-то лопасть винта попал. Есть вместо него Колька Тихонов. Но с того что возьмешь? Колька и Колька.

Встать с кресла. Легко сказать. Когда ноги не ходят и ни на одну толком не обопрешься. Даже руку не знаешь какую вперед выбрасывать.

А у липкого Суслова помощи просить, ладонь старческую тянуть — себя не уважать.

Семьдесят восемь.

— Михал Андрейч, а ведь штаб предвыборный ты у нас возглавляешь?

Ну как выкрутится.

— Формально у нас штаба нет вообще, Леонид Ильич. Есть организационно-предвыборная группа, ОПГ, совместная, Московского горкома и обкома КПСС. И возглавляете ее лично вы, Леонид Ильич.

— Лично я?

— Лично вы. По решению Политбюро.

Дотрындишься у меня, сокол горный.

— По вашему решению, утвержденному Политбюро.

Выкрутился. Да еще когда! Я ведь ни к горкому Московскому, ни к обкому ни двух копеек отношения не имею, так они меня начальником записали. Мол, если что, с Генерального секретаря и весь спрос. Как будто заранее знали, что Сахаров победит. Хотя с самого начала было три с половиной процента в мою пользу. В нашу пользу.

А может, это измена? Если чувак — нехорошее слово! — в войну на немцев работал?! Он же на все способен. Может, жена Сахарова ему валютных бонов из Америки навезла?

Я себе тут даже засмеялся, а Суслову чуть улыбнулся. Не заслужил.

— Но Сахаров где-то же выступает? Это же можно посмотреть. У нас же и видеоманитофон есть.

Хорошая игрушка. С внуком Андрюшкой тут какую-то «Эммануэль» смотрели: я заснул, а он досмотрел до конца.

— Хочу доложить, Леонид Ильич, — теперь уж по-военному, понял подвох, сука, — через пять минут по третьей программе Сахаров как раз выступает. Интервью в передаче Познера. Если у вас есть время и желание, можем посмотреть.

Нет у нас больше, товарищ Суслов, ни времени, ни желаний. Но посмотреть — посмотрим обязательно. Вы будете смеяться, но я Познера-то этого помню. Он у меня два интервью брал. Перед Хельсинки и после Хельсинки. Его Лапин привел. И строит этот Познер весь из себя такого независимого. И пиджак у него шерстяной, полосатый, плотный, как из Парижа. А на самом деле этот Познер — холуй из холуев, видно ж. Я чуть слюной не поперхнулся, особенно после Хельсинки.

Лапин говорит, что Познер, опять же, из евреев, но одновременно как бы еще из Франции. Так в наше время бывает. Гитлер же во Франции не полный «лагерфельд» делал. Хотя Познеру не помешало б. Посмотрим, как он Сахарову облизывать будет. А Лапин что? Потерпит? А ЦК? Как дети малые, ей-богу.

Постойте, постойте. А сколько же им всем будет во время бассейна «Москва»? Вот мне — сто двадцать. А Саше Проханову? Сейчас сорок. До моих ста двадцати осталось сорок семь. Значит,

восемьдесят семь? Не, не дотянет. Я вижу. Он одутловатый. У него с почками точно не в порядке. Такие бойцы больше семидесяти не живут. А могут и вовсе лет в шестьдесят концы отдать. Нет, Саша, нет.

Кто же тогда писать будет? Как они все обо мне жалеют?

Недаром говорил мне Никодим: «Леонид Ильич, убери ты этот бассейн, построй снова храм!» Но храм-то — он тоже несчастливый был. Я это точно в какой-то энциклопедии вычитал.

Хотя ни одной энциклопедии не читал, видит. Кто там видит?

А в бассейне еще никто вообще не утонул. Там первый я умру.

ПОЦЕЛУЙ МУТАНТА

— Ну, Суслов, а план-то у вас есть? Как побеждать будем? Нельзя ведь, чтобы Председатель Президиума Верховного Совета выборы проиграл. В своем родном округе проиграл. Да еще кому — Сахарову.. Академику, ети его в душу.

Сказать «еби его в душу» было бы не по-академически. И не академично. Леонид Ильич не очень любил, когда не академично. И так Суслва по фамилии окликнул, да еще и на Вы. Плохой это признак. Провозвестник опалы. Вот как мы выговорить умеем.

— Одна минута до эфира, Леонид Ильич.

Опять выскользнул, горное отродье.

Да, музыка обычная. Передачу-то у Познера смотрят. Он все больше популярных приглашает. Вон, с месяц назад Пугачева была. Которая Алла Пугачева. Пухлая такая, глазастенькая. Но поет вроде ничего. Хорошо поет. Витя включила, я тоже минут двадцать застал.

А это кто, Сахаров? Академик? Да, давно я его не видел. Вот кто постарел, так уж постарел. Да он на мои годы выглядит, ты посмотри!

— Михал Андрейч, а этот с какого года?

Мусе Арсанычу не будешь объяснять, кто такой этот. Восток сам ориентируется. По Солнцу.

— С двадцать первого, Леонид Ильич.

С двадцать первого... С двадцать первого? Значит, пятьдесят восемь всего? На 15 лет меня моложе?

Не, ну трындец, реальный трындец, сказал бы Андрюшка. Ни одного волоса. Пух какой-то. И не лебяжий даже, а утиный. Седой в ключья. Такие пальто в Курске продавали, как я там землемером работал. Но пальто — это так, только чтоб по-французски назвать. Не пальто никакие, а куски меха, а то и поролон, чтоб только не так холодно. В Курске ж страшно холодно бывает, академик Сахаров и не слышал.

Ешкин кот, он же еще даже не пенсионного возраста! А голосочек-то — тоненький, дрожит, как в реанимации. И руки, кажись, подрагивают. А у меня? Вытянул на длину дистанции. Нет, не дрожат. Во-

обще не дрожат. Даже мундштук бы удержал. Жалко, курить бросил. Но до ста двадцати обратно начну. Вот, Витя. Что говоришь-то, истукан! Не говоришь-то ничего, а думаешь. Еще хуже.

А Познер этот, в своей фиолетовой сорочке, все не унимался. Надо сказать Лапину, чтоб запретил ему фиолетовую сорочку. А то застирает — лиловая будет. А Познер в лиловой сорочке — это уже не то совсем. Совсем не то. И вообще, у нас здесь не дом моделей. Не Слава Зайцев. А «лагерфельд» надо будет — так мы устроим.

— Скажите, Андрей Дмитриевич, — начал спрашивать этот противный фиолетовый ведущий. Будь он неладен.

Да. И со своим этим акцентом, то ли французским, то ли каким-то еще. Лапин мне говорил, что это все фуфло одно, понты. Если Познера среди ночи разбудить, да настоящим образом разбудить, он заговорит, как натуральный русак из Ярославской губернии. Это он все делает вид, что русский ему не родной. Чтобы молодых девиц в Останкине клеить. Вот так примерно.

А вот Зелимхан Яндарбиевич Сулов, который мне тут телевизор включил, все делает вид, что русский ему родной. И почти ведь получается, сука. А зачем? Он-то где девиц клеить будет? На Старой площади? Там такие партийные девицы, что не приведи Владимир Ильич Ленин. Прямо из Мавзолея.

— Скажите, Андрей Дмитриевич, ваши оппоненты упрекают вас, что фактически вы действуете в интересах Запада, так сказать заграницы, того сообщества, которое в определенных кругах именуется мировой закулисой?..

Все извилины заплел.

— Владимир Владимирович!

Во! Оказывается, Познера зовут Владимир Владимирович. Никогда бы не стал называть такого покатога хлыща по имени-отчеству.

— Я, Владимир Владимирович, ни разу в жизни за границей не был. Ни одного! У меня же секретность, видите ли, первая форма допуска. Я вхожу в число изобретателей новейших видов вооружений. Которые активно использует Советская армия. И армии братских государств ис-

пользуют. Меня не выпускают. Просто банально не выпускают. Не дают выездной визы. Так что дальше полигона на Новой Земле я нигде никогда не бывал. Вот вы, Владимир Владимирович, бывали на Новой Земле?

— Нет, — с барской ухмылкой, — признаться, не заезжал.

Не заезжал! Это у них такая ирония, что ли? Я Лапину скажу, чтобы Познер эту свою иронию себе. Куда поглубже.

— На Новой Земле холодно очень. Минус тридцать пять. И полярная ночь. Кто работал на северах, тот меня, конечно, поймет.

Не лезь в душу нашему народу, академик. У тебя есть свой переизбыток интеллигенции.

— А вот мой уважаемый соперник, Леонид Ильич Брежнев, был за границей 73 раза. Мы научную работу провели, все почитали.

73 — это мой возраст. Ученые вечно так путают? Какие 73 раза? Каждый раз в год? С Днепра и Курска, получается. Так и вся обороноспособность чугунной шайкой накроется.

— Вот, смотрите. В Федеративной Республике Германии — 11 раз. Это не в нашей ГДР, это в капиталистической ФРГ, чтобы вы понимали. В Соединенных Штатах Америки — 8 раз. Во Франции — 6 раз. Вот даже зафиксировано, что в городе Париже посещали с президентом Франции Жискара д'Эстеном ресторан «Тур д'Аржан», так там ели устриц. Заказывали устриц по дюжине на человека. Вы давно ели устриц, Владимир Владимирович?

— Хочу раскрыть вам секрет — именно вам, Андрей Дмитриевич, потому что мои телезрители это давно уже знают, — я родился во Франции.

Что ж — отговорка неплохая. Хотя по смыслу глупая, как весь этот фиолетовый стилияга. Ну и что, где ты родился. Я вон на Украине. А сало в первый раз когда попробовал? По комсомольской линии разве что уже.

— Это хорошо, что вы там родились, — распаялся Андрей Дмитриевич, словно уже не генеральный секретарь, а простой телевизионщик против него на выборы шел, — но вот я, действительный член Академии наук СССР, трижды Герой Социалистического труда, съел за всю мою жизнь только одну устрицу. Одну!

— И.

Познер пытался вклиниваться. Впустую. Вот не думал бы, что дрожашие академики умеют так распаяться. Да Сахаров уже кричал, просто вопил!

— Да, Владимир Владимирович, да. Как-то раз Ирен Жолио-Кюри привезла в подарок из Британии три устрицы. И мы их съели. У меня дома, на Чкалова. То есть у нас дома, на Чкалова. Одну — Ирен, вторую — моя супруга Елена Георгиевна, а третью — я. Вот и все. А Леонид Ильич — по дюжине на человека. И еще.

При чем здесь Британия?

— Андрей Дмитриевич!..

Познеру уж явно было не по себе. Что-то скажет Лапин после такой трансляции. А Серега сказать умеет. Пару раз сам слышал. Сделал вид, что не слышал, но слышал.

А Ирен Жолио-Кюри я тоже неплохо помню. Она ж главную роль с этим играла, с Марчелло. Фамилия такая длинная, что любовью Байконур легче запомнится. В фильме «Соблазненная и покинутая». Я тогда ее с фестиваля к нам на дачу отвозил. На банкет. Это при Никите еще было. Ноги, грудь, жопа — советская промышленность еще не освоила. Вот только зачем она академику устриц возила? Ладно, потом разберемся. Уже интересно стало.